

Sergej Steiger

Записки
переселенца

18+

Sergej Steiger
Записки переселенца.
Часть первая

<https://litres.ru/74627024>

SelfPub; 2026

Аннотация

Саша Риммер вырос в казахстанском селе, где все друг друга знают, а о том, что он немец, напоминали только фамилия и запись в паспорте. Язык предков у семьи отняли война, депортация и страх. Родители хранили его шепотом, как запретную реликвию.

Школа, два года на границе, институт в Омске, стабильная работа впереди. Жизнь Саши выстроена и понятна. Но в начале девяностых страна, которую он считал единственной и родной, рассыпается на глазах. Из Германии приходит письмо от дальней родственницы, потом второе, и вся семья решает ехать на землю предков. Саша не хочет оставлять сестру, которая с детства стала ему второй матерью. Он соглашается. Он еще не знает, что ждет его в Фатерланде,

«Записки переселенца» - повесть о цене корней, о семье, которая держит крепче родины, и о том, как трудно прийти домой, в котором уже никто не живет.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Sergej Steiger

Записки переселенца.

Часть первая

Глава 1

Александр Риммер родился в семье немецких переселенцев в большом селе Ленинское на севере Казахстана, в брежневские времена. Само село официально считалось центральной усадьбой крупного совхоза "Красноцелинный". По местным меркам семья Саша была маленькой - отец, Виктор Генрихович, мать, Эмма Фридриховна и старшая дочь Лена, родившаяся на пять лет раньше брата. Риммеры жили не особо богато, но недостаток имелся. Виктор Генрихович заведовал гаражом в районном объединении «Сельхозтехника», Эмма Фридриховна работала бухгалтером в совхозной конторе. Хозяйство у них было небольшое - пара поросят для откорма, да десяток кур. С утра до вечера родители пропадали на работе, поэтому корову не держали - ведь она требует внимание и уход, а времени на нее не было. Поросят Эмма Фридриховна кормила дважды в день, рано утром и уже вечером, вернувшись с работы. Курам просто насыпали зерна и ставили лоток с водой в загон на весь день. Корма,

отруби и солому для поросят Виктор Генрихович регулярно выписывал через контору и сам привозил на совхозном грузовике. Как у всех сельчан, у Риммеров был свой огород. Под картошку отводился внушительный надел в пятнадцать соток на краю села. С наступлением весны Виктор Генрихович заранее договаривался со знакомым трактористом, и тот на своем "Беларусе" за полчаса перепахивал надел, нарезаая ровными бороздами жирную, плодородную землю. Семье оставалось лишь дожидаться выходных и высадить клубни. А вот грядки у дома были гордостью Эммы Фридриховны. Помидоры, огурцы, лук, укроп, несмотря на сухие казахские ветра, всегда были как по линейке: чистые, без единой сорной травинки. Каждый вечер, сменив строгие лакированные туфли на растоптанные калоши, она бережно поливала каждый кустик из тяжелых леек, чтобы осенью заполнить глубокий погреб аккуратными рядами банок с соленьями. Живность, картошка и огород здорово выручали семью долгими зимними месяцами. Отдельного разговора заслуживал сам дом, который Виктор Генрихович построил своими руками. Каждое бревно, каждая доска были подогнаны и уложены на совесть, каждый гвоздь забит по всем правилам. Главной же в доме была печь, которую сложил лучший в округе печник, покойный Матвей Захарович. Она была, как говорится, венцом печного искусства, и Риммеры не раз еще вспоминали мастера добрым словом.

Когда Саше исполнилось три года, его отдали в совхозный

детский сад - интернат, где дети жили всю рабочую неделю. Эмма Фридриховна после декрета не захотела сидеть дома. Она привыкла быть среди людей и четыре стены, несмотря на поросят и огород, вгоняли ее в тоску. Лена к тому времени уже ходила во второй класс сельской общеобразовательной школы. Детсад Саша не любил. Всю неделю он считал дни до пятницы, когда за ним приходила сестра. В этот день мать с отцом возвращались домой затемно, а Лена, закончив учебу в группе продленного дня и сделав уроки, спешила в детсад за своим маленьким братишкой. Саша уже с нетерпением ждал ее и они вместе, взявшись за руки, шли по улице домой. Дома Лена кормила его, умывала, укладывала спать. Саша всегда просил, чтобы она почитала ему перед сном. Это был их ритуал. Лена присаживалась рядом с его кроватью и читала вслух, даже когда у нее самой глаза слипались от усталости. Для маленького Саши она была не просто старшей сестрой, а самым близким человеком на свете.

Лена рано научилась помогать матери по хозяйству. Сперва Эмма Фридриховна поручала ей подсыпать зерно курам, выносить помои, мыть полы в доме и подметать двор. Став постарше, Лена научилась сама растапливать печь, варить картошку, кормить поросят, полоть сорняки и поливать грядки. Родители, приходя уставшими, находили в доме порядок и еще не успевший остыть нехитрый ужин. Сердце Эммы Фридриховны сжималось от гордости за дочь и смутной вины - Лена выросла слишком быстро. Но время на разду-

мья не оставалось, и она лишь молча гладила дочь по голове. К шестнадцати годам Лена заменила в хозяйстве мать. Девушка успевала за утро и вечер сделать столько, сколько матери потребовался весь день. Это нисколько не влияло на ее успеваемость в школе, в классе Лена была отличницей и все схватывала на лету. Саша слушался сестру беспрекословно. Мать могла шлепнуть сына в сердцах за его непослушание, отец грозно хмурил свои густые, кустистые брови, сверкая глазами на шалости своего отпрыска. Но стоило Лене спокойно сказать: "Саша, так нельзя" и тот тут же молча отступал, виновато косясь на сестру. Не от страха. Он очень уважал ее и знал, что она плохого не посоветует,

Свой первый школьный день Саша запомнил на всю жизнь. Лена уже перешла в шестой класс. Первого сентября, утром она разбудила его чуть раньше, проследила, чтобы братишка умылся и почистил зубы. Помогла одеться, поправила воротничок на его с вечера отутюженной белой рубашке, ласково пригладила упрямые вихры на его голове. Прихватив свой портфель, она повела его в школу. На школьном дворе нашла его класс и представила его знакомой учительнице: "Лилия Михайловна, это мой брат, Саша Риммер". Прошептав брату на ухо слова поддержки и поцеловав его в макушку, Лена, оглядываясь, поспешила к своим школьным подругам. Теперь они вместе ходили в школу. Каждый день Лена находила время заглянуть в тетради брата. Она проверяла его как строгий учитель, не делая поблажек. Она нико-

гда не кричала и не ругалась. Если в прописи буквы выходили кривыми, Лена мягко говорила: "Перепиши, ты же можешь лучше". Когда Саша запинаясь при чтении, она просила его перечитывать трудный для него текст еще и еще до тех пор, пока тот смог без запинки его прочесть. Теперь для мальчика сестра стала не просто близким человеком, но и наставником в учебе. Только с ее помощью и поддержкой Саша смог преодолеть трудности первых лет обучения в школе. Он впоследствии не раз повторял, что любовь к образованию привила ему именно Лена.

В школе имя сестры тоже служило Саше прекрасной защитой. Мало кто желал связываться с бойкой девчонкой, которая не даст в обиду не только себя, но своего младшего братишку. Мальчишки из Сашиного класса и те, кто был постарше, быстро уяснили для себя, что трогать маленького Риммера себе дороже: можно не только получить от его сестры, но еще и ремня дома от родителей, так как все, что происходило в школе, немедленно расходилось по семьям. Так прошло три года. Лена заканчивала десятый класс. Она уже решила, что станет бухгалтером, как ее мама. Получив аттестат, Лена уехала в Целиноград, поступать в сельскохозяйственный институт, на факультет "Бухгалтерский учет в сельском хозяйстве". Саша остался в семье. С отъездом Лены дом для него как-то сразу опустел. В ее отсутствие он самостоятельно занимался хозяйством. Он помнил, как став постарше, Лена, как когда-то мать, поручала ему простую

работу по дому: почистить сарайчик с поросятами, вынести помои, расщепить полена для розжига, дать зерна и воды курам, показывала, как правильно убирать сорняки на грядках. Учила, как правильно чистить картошку, даже как сварить простой картофельный суп или приготовить "толченку". Ему очень не хватало сестры, ее заботы, просто осознания, что она здесь, рядом, сейчас придет и улыбнется ему милой улыбкой. Ближе к Рождеству от нее пришло письмо. Лена писала, что учеба дается ей легко, живет в общежитии, делит одну комнату с подругой, устроилась на подработку по вечерам, чтобы не тянуть с родителей. Еще писала, что очень скучает по родителям, особенно по своему братишке и что на зимние каникулы приедет домой. Саша обрадовался. Скоро он увидит сестру, он сможет ей рассказать о многом, что произошло в ее отсутствие. Он с гордостью рассказывал приятелям о том, что его сестра учиться в большом городе и скоро станет бухгалтером, как и мать. В течение пяти лет Лена приезжала на каникулы домой. Каждый ее приезд для Саши превращался в праздник. Он готов был часами слушать ее рассказы о большом городе с его широкими проспектами со множеством легковушек, автобусов и грузовиков, о высоких домах с магазинами на нижних этажах. О своем институте, о лекциях, подружках из общежития, о том, как вообще живут студенты. Саша слушал сестру, затаив дыхание, и Целиноград казался ему далекой, чужой планетой. Летом, все три месяца, в свободное от хозяйства время, Лена и Саша

ходили на небольшую речку купаться и греться на теплом речном песочке или с раннего утра сидели вдвоем под одной фуфайкой с удочками, сосредоточенно глядя на качающийся поплавок.

Зимой вместе встречали Рождество и Новый год. Всякий раз Лена приезжала с гостинцами, которые покупала на сэкономленные от стипендии и подработки деньги: матери пуховый платок, отцу перчатки или набор сверел, Саше красивый перочинный нож или маленький карманный радиоприемник, чаще всего какую-нибудь интересную книжку. Но каникулы кончались, Лена уезжала и Саша снова жил ее письмами и ожиданием встречи.

К десятому классу Саша стал высоким, статным, красивым юношей. Почти все девушки его класса просто с ума сходили от него. Каждая мечтала, чтобы Саша обратил внимание именно на нее. Однако, он против своей воли сравнивал их с Леной и сравнение чаще всего получалось не в их пользу. Когда Эмма Фридриховна, как бы между прочим, намекала ему, что мол, пора найти себе подругу, Саша только отмахивался: "Не до этого сейчас мам. У меня другие приоритеты". Как и ее брат, Лена тоже не обращала на противоположный пол никакого внимания. Она была полностью сосредоточена на учебе и не замечала парней, которые толпились вокруг красивой девушки табунами.

Однажды, незадолго перед выпускными экзаменами, Саша вернулся домой и нашел в почтовом ящике два письма.

Одно было от Лены, ее почерк он знал наизусть. Другое было каким-то странным на вид, с синей прерывистой каймой. В том месте, где должен стоять адрес получателя, что-то написано на иностранном языке, дальше по-русски их село, название улицы и фамилия - Риммер. Саша покрутил его и, не вскрывая, отложил. Распечатал письмо от Лены. Сестра писала, что защитила диплом на "отлично" и получила распределение в их совхоз. Саша догадался - без родителей тут не обошлось. Весь вечер заграничный конверт пролежал на краю кухонного стола. Занимаясь привычными домашними делами, Саша то и дело косился на него, как на нечто чуждое, неожиданно появившееся в доме. Он пару раз брал его в руки, разглядывал. Конверт был он какой-то помятый, клапан, как теперь заметил Саша, был чуть неровно подклеен. Когда родители вернулись с работы, Саша молча протянул конверт матери. Эмма Фридриховна взяла его в руки, повертела, поднесла к лампе, и Саша заметил, как у нее дрогнули пальцы. Она долго смотрела на обратный адрес, потом села на табурет у стола. "Из Германии, - наконец тихо произнесла она. Виктор Генрихович отложил ложку, его густые, кустистые брови сошлись к переносице. В семье Риммеров никогда не упоминали о дальних родственниках, о которых сами знали немного. Виктор Генрихович помнил от своей бабушки, что его предки переселились из Германии на Кавказ еще при Екатерине Второй. Эмма Фридриховна однажды Лене вскользь упомянула, что по словам ее бабушки часть ее пред-

ков переселилась в Российскую Империю, в район Поволжья, другая, большая часть, тоже разделилась: кто-то остался в Германии, кто-то выехал в другие страны Европы. Но все родственные связи за время второй мировой войны и послевоенное время были утеряны, задолго до рождения самого Саши.

Эмма Фридриховна распечатала письмо и прочла вслух тихим ровным голосом. Словно боялась, что ее могут услышать и за стенами дома. Письмо было написано по-немецки. Эмма Фридриховна читала медленно, перечитывая каждую строчку дважды. Дочитав до конца, она поймала на себе вопросительные взгляды мужа и сына. Писала какая-то Анна, троюродная сестра по линии ее отца, о которой сама Эмма Фридриховна никогда не слышала. Анна писала, что через благотворительные организации она разыскала адрес своей сестры и просто хотела узнать, как живет ее дальней родственнице, здорова ли она, вышла ли замуж, есть ли дети. Ни слова о политике, о желании повидаться или пригласить в гости. Только вежливые, осторожные строчки, в которых угадывалась тревога: не навредить, не напугать. Эмма Фридриховна отложила письмо и вдруг заплакала, прикрыв лицо ладонью. Плакала она не от горя, а от того, что где-то в далекой Германии ее, оказывается, искали, о ней помнили. Виктор Генрихович взял письмо, сложил вчетверо и положил его за икону. "Давайте спать, - коротко сказал он. - Утро вечера мудренее". Он был человеком осторожным и хорошо пони-

мал, чем может обернуться это письмо для их семьи. Его опасения подтвердились. Через два дня Эмму Фридриховну вызвали в первый отдел. Она вернулась домой позже обычного, бледная, с поджатыми губами. Когда все собрались за столом, коротко рассказала, как в маленьком кабинете ее ждал человек в штатском с незапоминающимся лицом. Он с холодной вежливостью расспрашивал Эмму Фридриховну: кто такая эта Анна, давно ли она знает о ее существовании, собирается ли отвечать ее на письмо. Эмма Фридриховна, будучи бухгалтером и привыкшая отвечать за каждую цифру, показала ему письмо, рассказала все, что знала, и твердо сказала, что писать никуда не станет. Человек в штатском долго молчал, листая бумаги. В конце концов отпустил ее, сказав на прощание, что надеется на ее благоразумие и гражданскую ответственность. "Поверили, - выдохнула Эмма Фридриховна. - На первый раз". Отец молча кивнул. Саша заметил, как мать украдкой потеряла виски, и подумал, что за этот день она словно постарела.

Лена приехала в конце июня. Саша встречал ее на автостанции райцентра. Он приехал туда на отцовском "Урале" с люлькой. Хотя прав у него не было, но в районе все знали, чей он сын, и даже участковый, встретив Сашу на дороге, лишь делал вид, что не замечает его: парень из хорошей семьи, не хулиганит, чего к нему цепляться. Лена вышла из автобуса с небольшим чемоданом. Она выглядела уже не той, какой помнил Саша: повзрослевшей, строгой, в аккуратном

светлом платье. Увидев брата, она радостно всплеснула руками и рассмеялась:

- Сашка, да ты уже выше меня!

Он подошел, широко улыбаясь. Они обнялись. Потом Лена заметила мотоцикл отца, и брови ее нахмурились:

- Ты взял у папы мотоцикл? Без спроса? А права у тебя есть? Саша, ты же знаешь, что так нельзя.

Он смутился, как мальчишка, и виновато забормотал:

- Лен, ну что тут такого? Вообще-то отец мне разрешает на нем ездить... Только на трассу нельзя. А так, по селу, по полям... Кто же видит? - Он улыбнулся своей мягкой, обезоруживающей улыбкой:

- И потом, Ленусь, я так хотел тебя встретить...

Лена укоризненно покачала головой, легонько потрепала брата по вихрастой макушке и молча уселась в люльку, поставив чемодан на колени. Саша протянул ей шлем, надел свой и с одного прыжка лихо завел мотор. Всю дорогу до села Саша вел мотоцикл аккуратно, осторожно объезжая рытвины и кочки, то и дело поглядывая на сестру. Лена, щурив глаза от встречного ветра, смотрела на проплывающую мимо степь, словно видела ее впервые. Дома Сашка уже приготовил для сестры баню и та с нескрываемым удовольствием смыла с себя дорожную пыль. В этот день Эмма Фридриховна была дома. Позже приехал отец. Накрыли стол. К приезду дочери мать приготовила мясной штрудель, испекла любимый всеми ривелькухен, нажарила гору креблей, достала из

погреба лучшие соленья. Виктор Генрихович, против обыкновения, налил себе рюмку водки и сказал короткий тост:

- Дочка, мы все очень счастливы, что ты, наконец, вернулась домой. Теперь мать спокойна за твое будущее. Прост!

Лена улыбнулась, услышав тост отца, но Саша заметил, как она внимательно наблюдает за родителями, как то и дело посматривает на него самого, будто хочет что-то спросить и не решается. Спросила Лена только поздно вечером, когда вымыли и убрали посуду, а родители ушли спать. Как в детстве, они снова сидели рядышком на крыльце. Над степью догорала поздняя июньская заря. Лена повернулась к брату и взяла его за руку:

- Саша, расскажи, что у вас случилось? Мама была весь вечер сама не своя. Да и папа тоже...

И он рассказал все. Все, что знал - про письмо, про неизвестную тетю Анну, про вызов в сельсовет. Лена долго молчала, обхватив руками колени.

- Значит, у мамы в Германии есть родственники, - произнесла она наконец. - А мы и не знали.

Потом повернулась к брату, и в сумерках ее глаза сверкнули. Голос Лены был очень серьезным:

- Саш, ты только никому об этом не рассказывай, ладно? Так будет лучше. Для всех.

Он согласно кивнул. Конечно, он все понимал. Но когда Лена ушла спать, он еще долго сидел на крыльце, глядя на темнеющую степь, и думал о том, что мир не ограничива-

ется их селом или совхозом. Он гораздо, гораздо больше и что где-то там, далеко, живут люди, тоже носящие фамилию Риммер.

Прошли последние школьные экзамены, получен аттестат, отгремел выпускной бал. Саша закончил десять классов, получив среднее образование. Лена к тому времени под неусыпным контролем матери уже осваивала совхозную бухгалтерию. Она сидела за соседним столом с Эммой Фридриховной, теперь уже главным бухгалтером, в совхозной конторе. Место для дочери она выбила заранее, еще зимой, заглянув к председателю с папкой годовых отчетов и как бы между делом обронив, что ей давно пора готовить себе смену. И не чужого человека, а своего, проверенного. Председатель, ценивший ее аккуратность и точность, возражать не стал. Он направил в ректорат сельскохозяйственного института ходатайство о распределении Елены Викторовны Риммер на должность бухгалтера в совхоз "Красноцелинный", так как он остро нуждался в специалистах данного профиля. Ответ, как и ожидалось, пришел положительный. И вот теперь мать и дочь по утрам шли на работу вместе, а вечером вместе возвращались. Злые языки в селе говорили, что у совхозной конторе теперь засела династия Риммеров. Прошло несколько дней после выпуска. Как-то вечером, когда ужин был съеден, а посуда убрана, Виктор Генрихович, медленно потягивая горячий припис из кружки, вдруг спросил сына:

- Саша, школу ты закончил. Пора бы определиться, чем

ты займешься до армии.

Говорил он негромко, но тоном, не терпящим возражения. Работа для Риммеров всегда была на первом месте. Она была не просто обязанностью, а чем-то вроде веры, и Виктор Генрихович не мог допустить, чтобы его единственный сын целый год слонялся по селу, как многие его ровесники, проводившие вечера у клуба с гитарой и бутылкой дешевого портвейна. Саша задумался, потер подбородок, но не успел ничего ответить.

- Знаешь, Саш, тебе нужно выучиться на шофера и механика, - вдруг сказала молчавшая до этого Лена. - А что? Ремонтировать грузовики, трактора, комбайны. Это и престижно, и хлебно. Да и в жизни всегда пригодится. А в будущем сменишь папу.

Саша быстро взглянул на сестру, потом на отца. Тот одобритительно хмыкнул на слова дочери. Саша кивнул. Как в детстве, слова Лены прозвучали для него не как совет, а как почти готовое решение. Целый год до призыва он учился на курсах в совхозном Учебно-курсовом комбинате, осваивая вождение и автодело: ремонт грузовиков и тракторов. Учебу на курсах он совмещал с реальной практикой в совхозном гараже. После занятий он пропадал там до вечера, возвращаясь домой с черными от мазута руками и с блестящими глазами. Шофера и механики, поначалу посмеивавшиеся над "завгаровским сынком", очень скоро начали говорить друг другу: "А из этого пацана выйдет толк. И руки у него

растут оттуда, откуда надо".

В конце мае пришла повестка. Саша прошел медкомиссию, и его признали годным к воинской службе. Известие о скорой разлуке каждый в семье переживал по-своему. Мать и сестра плакали тихо, украдкой, пряча покрасневшие глаза, чтобы не расстраивать Сашу еще больше. Отец хмурился и все чаще молча курил на крыльце. Он знал, что творится в армии: дедовщина, самодурство офицеров, "неуставные" порядки, о которых не писали в газетах, но о которых шептались в каждой семье. Виктор Генрихович не боялся, что сына сломают. Сашу не так то просто было подчинить или унижить, спасибо воспитанию сестры. Он боялся другого - сына могут покалечить или даже убить. В армии все может случиться. Настал день расставания. В это майское утро солнце уже припекало по-настоящему, но степной ветер, врывающийся в открытые окна, все еще оставался по прежнему резким и холодным. В доме Риммеров пахло крепким мятным чаем и горячими кренделями. Пышные ромбики из теста мать жарила с самого рассвета - сыну в дорогу. Небольшой фанерный чемодан уже стоял у двери. Внутри только мыло, зубной порошок, бритвенный станок, конверты без марок и толстая тетрадь для писем.

- Ну, давайте присядем, - глухо сказал Виктор Генрихович.

Семья послушно опустилась на табуреты у стола. Наступила та самая, звенящая дорожная тишина, в которой каж-

дый думал о своем. Эмма Фридриховна все смотрела на сына. За этот год он резко раздался в плечах, стал старше. На его указательном пальце правой руки так и не отмылась до конца въевшаяся в кожу мазутное пятнышко. Рядом сидела Лена. Она неотрывно смотрела на брата, словно стараясь запомнить его образ. Виктор Генрихович поднялся первым, оборвав молчание:

- Пора. Автобус ждать не будет.

На площади у совхозного правления собралось все село. Из хрипящих колонок клуба на всю округу разносился марш "Прощание славянки", перекрывая гул голосов, девичий смех и сдержанный плач. Вокруг призывников теснились родственники и друзья. Мужики курили в стороне "Беломор" и "Приму", щурясь от солнца и степной пыли.

- Хоть бы в Афган не угодили, - негромко пробасил один из них, провожая глазами военкома, подошедшего к сельсовету. - А может, в группу советских войск в Германии, если повезет...

Услышав слово "Германия", Виктор Генрихович чуть заметно дернул плечом, но промолчал. Недавний визит жены к человеку в штатском все еще не давал ему покоя, хотя внешне вроде все было в порядке. Председатель совхоза поднялся на крыльцо правления. Музыка стихла. Его речь призывникам была короткой: о гражданском долге, защите рубежей Отчизны и о том, что совхоз ждет своих ребят после демобилизации обратно, на родную целину. Когда председатель со-

шел с крыльца, подъехал совхозный "ПАЗик", старый, желтый, с облупившейся краской на капоте. Двери с шипением распахнулись.

- Ну, сынок, - Эмма Фридриховна шагнула к Саше. Она не плакала, ее характер и гордость не позволяли ей показывать свои эмоции на людях. Она крепко обняла сына, уткнувшись носом в его куртку, и быстро, почти про себя прошептала короткую молитву на немецком, которую слышала еще от своей бабушки. Лена порывисто обняла брата за шею:

- Саша, пиши, слышишь? Пиши обо всем!

Виктор Генрихович подошел к сыну последним. Он не любил сантиментов и долгих прощаний. Обхватил сына широкой, жесткой ладонью, крепко пожал руку и притянул к себе, коротко хлопнув его по спине.

- Служи честно, сынок, - негромко, но твердо сказал он, глядя сыну прямо в глаза. - Не позорь нашу фамилию. И главное - возвращайся домой. Мы будем ждать тебя.

Парни начали подниматься в автобус. Саша протиснулся к заднему окну, припал лицом к стеклу. Двери с шипением захлопнулись. Автобус тяжело тронулся с места, вздымая колесами густую серую пыль. Толпа с криками и плачем двинулась за ним, девушки махали платками, кто-то бежал за автобусом до самого конца села. "ПАЗик" скрылся за поворотом, оставив после себя лишь тающее облако целинной пыли. Выключили музыку. Площадь мгновенно опустела, все разошлись по своим домам. Виктор Генрихович молча при-

обнял жену за плечи, кивнул дочери, и семья не торопливо пошла обратно. К дому, который с этой минуты стал необычно тихим и пустым.

Сашу вместе с другими призывниками довели до областного сборного пункта, оттуда автобусами до вокзала, а дальше поездом. Только в вагоне он узнал, что попал в погранвойска, на Дальний Восток, на границу с Китаем. Поезд шел больше недели, и за окном сменялись степи, тайга, мосты через огромные реки, а новобранцы, поначалу шумно знакомившиеся друг с другом, постепенно притихли, будто почувствовали, как далеко остался дом.

Учебка встретила их холодным ветром, сопками и командами, от которых в первые недели звенело в ушах. Подъем, зарядка, пробежки, строевая подготовка, наряды. Саша быстро понял, что здесь выживают не самые сильные, а самые терпеливые. Пограничная служба оказалась совсем не такой, какой ее показывали в кино. Долгие ночные наряды на контрольно-следовой полосе, где каждый след на вспаханной земле мог означать нарушителя, бесконечные проверки сигнализации, дозоры на сопках, где летом тучами висела мошка, а зимой трескучий мороз сковывал тело и перехватывал дыхание. На заставе, куда его определили после учебки, быстро выяснилось, что рядовой Риммер умеет водить грузовики и прекрасно разбирается в моторах. Через месяц его назначили водителем-механиком заставы. Теперь в его обязанности стали входить еще и доставка продуктов и по-

чты, развоз смен на дальние дозоры, а в свободное время он возился под капотом своего "ГАЗ-66".

Особо запомнилась Саше один, очень существенный эпизод из его армейской жизни. Однажды, в разгар зимы, он ходил в дозоре с Иваном Ковалевым, добродушным парнем из Краснодарского Края, с которым он подружился еще в учебке. Ближе к полуночи, когда они спускались с сопки, проверяя контрольно-следовую полосу и заграждение, разыгралась нешуточная метель. В этом завывающем снежном мареве уже в двух шагах невозможно было что-то различить. Саша, по обыкновению, шел впереди, Иван - замыкающим. На какое-то мгновение Саша вдруг понял, что остался один. Он остановился, оглянулся. Сзади никого, только летящий в лицо снег и жуткий вой. Поправив на плече ремень автомата, он развернулся и пошел назад, чувствуя тревожный холодок в груди. Примерно в десяти метрах, на тропе, он едва различил снежный бугорок, а над ним дуло автомата с треугольным прицелом. Преодолевая сильный ветер и снег, он с трудом добрал до этого бугорка - это был Иван. Саша стряхнул снег с полушубка, рывком поднял напарника на ноги. По побелевшему лицу Ивана он понял все. Саша накинул его автомат на левое плечо, рядом со своим, положил руку напарника на свое правое плечо и буквально поволок обмякшее тело вдоль линии столбов, время от времени нащупывая рукавицами обледеневшие провода. Дойдя до ближайшей "розетки связи", Саша достал переносную трубку и вызвал с заставы

тревожную группу, после чего обессилено опустился рядом с Иваном на снег. Он уже не помнил, как чьи-то сильные руки аккуратно подхватили его обмякшее тело, куда-то несли, мерно покачивая. Он был словно в забытьи. Пришел в себя Саша только на вторые сутки в санчасти погранотряда. Он лежал и прислушивался к себе: нет, у него ничего не болит. Пошевелил пальцами ног, почувствовал, как они шевелятся. Он сел на койке, натянул на себя больничную пижаму, подошел к окну палаты и поглядел в окно.

Во время утреннего обхода начальник санчасти, пожилой майор медицинской службы, в сопровождении старшего фельдшера в звании прапорщика, застал Сашу не лежащим на койке под казенным больничным одеялом, а стоящим у окна и задумчиво разглядывающим морозные узоры на окне.

Майор остановился в дверях палаты, поправил очки и искренне удивился:

- Это еще что за чудо природы? Товарищ младший сержант, почему не в койке?! Двое суток возле него выплясывали, думали, как минимум, воспаление легких подхватил, а он, глядите, уже у окна стоит. Ну, сынок, как себя чувствуешь?

- Совершенно здоров, товарищ майор. Ничего не болит. Только уж очень есть хочется, - честно признался Саша, вытягиваясь по струнке.

Врач подозвал Сашу, бесцеремонно пощупал уши, кончик носа, заставил показать пальцы рук и ног. Все было целым,

без единого волдыря.

- Ну-с, герой, откуда родом? - добродушно спросил майор, прислушивая легкие стетоскопом.

- Северный Казахстан, товарищ майор. Целиноградская область. У нас зимой морозы минус сорок, да и ветра похлеще здешних.

- А, ну тогда понятно, - усмехнулся врач, пряча стетоскоп в карман халата. - Ребята с юга от одного вида здешнего бурана в лихорадке бьются, а у тебя, видать, вместо крови антифриз. Сердце как часы, в легких чисто. Силен ты, братец. Считай, в рубашке родился.

Когда Саша спросил про своего напарника, лицо майора сразу стало серьезным. Он вздохнул, переглянулся со старшим фельдшером и подошел к окну.

- А вот с Иваном твоим все гораздо сложнее, - тихо сказал офицер. - Ты сделал невозможное, не дал насмерть замерзнуть. Если бы не ты, его бы только весной откопали. Когда тревожная группа вас забирала, он уже ни на что не реагировал. Сильный термический шок, температура тела упала до критической отметки.

Майор подошел ближе и положил руку Саше на плечо:

- Лицо и руки он отморозил сильно, когда упал в снег. Мои ребята всю ночь над ним колдовали, отогревали по инструкции, капельницы ставили. Сейчас все стабилизировано, сердце работает, дышит сам. Но вот пальцы на левой руке... под большим вопросом. Мы отправили Ивана спец-

рейсом в окружной госпиталь, в Хабаровск. Там аппаратура, профессора. Будем надеяться, что сохранят парню руку. Но главное, что живой. И это полностью твоя заслуга, сынок.

В палате повисла тяжелая тишина. Саша смотрел на свои абсолютно здоровые руки и думал об Иване, который сейчас лежит в госпиталь, ожидая приговора врачей. Спустя два дня, когда Сашу выписали из санчасти, он не вернулся сразу на свою заставу. Вместо этого его привели в штаб погранотряда. Его провели по длинному коридору штаба, пахнущему мастикой и оружейным маслом, и пригласили в кабинет, где за столом сидели двое: начальник штаба и капитан с чистыми зелеными петлицами - представитель Особого отдела.

- Проходите, товарищ младший сержант, присаживайтесь, - вежливо и спокойно сказал капитан, указав на стул напротив. - Мы знаем, что Вы совершили подвиг. Но наша задача - по минутам восстановить картину той ночи. Расскажи все с самого начала: как вышли в дозор, что происходило во время дозора, почему отстал рядовой Ковалев. Все.

Саша сел, сжав шапку-ушанку в руках, и честно, без прикрас рассказал все, как было. Про начавшуюся снежную бурю, завывающий ветер, про то, как за секунды видимость упала практически до нуля, как он почувствовал отсутствие напарника, как нашел его, уже занесенного снегом, как возвращался назад вдоль полосы, ориентируясь по обледеневшим столбам. Особист внимательно слушал, записывая его слова в блокнот. Его особо интересовало, не было ли у Ивана

признаков симуляции или умышленного отставания. В конце особист несколько секунд пристально глядел в глаза Саши.

- Скажите, Риммер, только честно. Был у Ковалева умысел на нарушение государственной границы? Прослеживалось с его стороны дезертирство? - прямо в лоб спросил капитан.

- Никак нет, товарищ капитан! - твердо отчеканил Саша. - Рядовой Ковалев честный парень, комсомолец. Его сбило с ног сильным порывом ветра, остальное доделал сильный мороз. И, товарищ капитан, Иван до последней секунды не выпускал автомат из рук, даже когда стал замерзать. Я, вообще-то, и нашел его, благодаря его автомату - он торчал из снега.

Офицеры переглянулись между собой. Начальник штаба удовлетворенно кивнул:

- У меня лично к младшему сержанту Риммеру вопросов нет. Он действовал строго по Уставу. Спас боевого товарища, оружие не бросил, установил связь с заставой. Проявил себя как настоящий пограничник.

Особист закрыл блокнот и впервые за весь разговор его губы тронула едва заметная улыбка:

- Ну что ж, младший сержант Риммер. На заставу Вам возвращаться пока рано. Завтра утром в гарнизонном клубе будет общее построение. Приедет начальник погранвойск округа. Так, что готовьте парадку, товарищ сержант.

На следующее утро огромный зал гарнизонного клуба был забит до отказа. На сцене под красными знаменами стояло командование погранотряда во главе с генерал-майором, прибывшим из Хабаровска.

- За мужество и героизм, а также за отвагу и высокую бдительность, проявленные при охране Государственной границы Союза Советских Социалистических Республик... - Голос адъютанта, зачитывающего Указ Президиума Верховного Совета СССР, эхом разносился по залу. - Наградить младшего сержанта Риммера Александра Викторовича медалью "За отличие в охране Государственной границы СССР". Приказом Командующий войсками Краснознаменного Дальневосточного пограничного округа присвоить младшему сержанту Александру Викторовичу Риммеру внеочередного звания "Сержант" и награждения нагрудным знаком "Отличник Погранвойск первой степени"...

Саша, чеканя шаг в отутюженном парадном кителе, вышел на сцену. Сердце бешено колотилось в груди. Генерал-майор шагнул ему навстречу, крепко пожал руку и приколол на грудь тяжелую, отлитую из серебра медаль. Чуть ниже разместился новенький блестящий нагрудный знак.

- Спасибо за службу, сынок! - громко сказал генерал, глядя Саше прямо в глаза. - На таких, как ты, держится вся наша граница. Твоим родителям я лично направил благодарственное письмо. Можешь гордиться.

- Служу Советскому Союзу! - четко и звонко отрапортовал

Саша...

Другой случай произошел уже весной, незадолго до его демобилизации. В одну из ночей на заставе поднялся переполох. У молодого солдата Миронова из недавнего пополнения схватило живот. Он, скрючившись, лежал на койке, весь бледный. Временами терял сознание. Вызванный по тревоге фельдшер заявил, что ему нужна срочная операция. До госпиталя было далеко. До районной больницы не более сорока километров, но по разбитой, размытой талой водой дороге. Начальник заставы срочно вызвал Сашу к себе и коротко спросил: "Сможешь довезти?". Саша молча кивнул, завел "ГАЗ-66", разместил в кузове солдата и они поехали. Как не старался Саша вести грузовик аккуратно, его все-таки подбрасывало на колдобинах, колеса вязли в грязи. Саше несколько раз приходилось подкладывать под скаты ветки или вытаскивать машину лебедкой. Он довез Миронова за три часа и до самого рассвета ждал возле операционной, охраняя оружие и вещи солдата. У утра хирург вышел, усталый, но довольный. Сказал, что парня успели доставить вовремя. В то утро Саша впервые за долгие месяцы службы позволил себе просто сесть на ступеньки больницы и закурить.

Вместе с этим Саша увидел и другую сторону армейской жизни. Первые месяцы в учебке и на заставе ему, как впрочем и всем "молодым", пришлось испытать на себе прелести "дедовщины": подшивать воротнички, по ночам чистить са-

поги старослужащим, терпеть тычки и ругательства в свой адрес. Он сжимал зубы, но не ломался, и никто не смог заставить его унижаться. Когда он сам стал "дедом", то твердо решил, что не будет поступать с "молодыми" так, как поступали с ним. Многие его сослуживцы, перенесшие первый год, ожесточались и потом вымещали свою злобу на новичках. Саша не мог. В нем жили слова Лены: "Саша, так нельзя". По возможности, он помогал молодым солдатам, недавно распределенным к ним на заставу с учебки, подсказывал, как лучше навернуть портянки, как быстро одеться за сорок пять секунд, делился сигаретами и, порой, сам ночами заступал за больных в наряд. У Саши не было прозвища, как у других. Для своих сослуживцев он был просто "Риммер". Но произносили его по-доброму, с уважением.

Письма из дома приходили раз в две-три недели. Он читал их по нескольку раз, потом складывал в свою тумбочку. Писала мать - коротко и скупно, как она привыкла писать, а дописывал ее письмо отец - всего несколько строчек в конце. Лена писала длинно и подробно, обо всем, что происходило в совхозе. Саша отвечал всем: интересовался здоровьем родителей, жизнь и работой сестры. Писал о своей службе, разумеется в рамках дозволенного. Писал, что скучает и ждет, когда пролетит время его службы и он вернется домой. Последние месяцы тянулись для Саши мучительно долго. Наступили "сто дней до приказа", и в казарме снова оживила старая традиция: "дед" Сашиного призывал подзывал в столо-

вой кого-нибудь из "молодых" и громко спрашивал: "Ну-ка, сколько мне осталось до приказа?". Молодой должен был без запинки ответить, сколько дней и часов осталось, за что в награду получал от "деда" пайку хлеба с маслом. Саша тоже участвовал в этом ритуале, но по-своему. Он никогда не спрашивал "молодых", считая это унижительным, в первую очередь для себя, а просто отдавал свою пайку тому, кто выглядел голодным.

Настал долгожданный день. Саша получил документы, попрощался со своими приятелями по призыву, и вышел за ворота части. Он остановился, зажмурился от яркого солнца, глубоко вдохнул воздух. Он больше не солдат, подчиненный уставу, с автоматом на плече. Теперь он свободный человек. Два года своей жизни он отдал Родине, исполнив воинский долг до конца. Сейчас его путь лежал домой, в бескрайние казахстанские степи, где с нетерпением и радостью ждали любящие его родители и сестра.

Домой Саша решил приехать без предупреждения. Ни телеграммы, ни письма, ни звонка в совхозную контору или домой. Ему хотелось увидеть лица родных в ту самую секунду, когда он появится на пороге - бравый, подтянутый, в парадной форме с зелеными погонями, с яркими золотистыми нашивками на них, с заслуженной медалью и нагрудным знаком отличника. На автостанции райцентра он вышел из автобуса с чемоданчиком и остановился, жадно вдыхая знакомый с детства запах пыли, нагретого асфальта и степной по-

лыни. Перехватив чемодан левой рукой, он зашагал по щбенке вдоль асфальта в сторону центральной усадьбы совхоза. Мимо него пронесся "ГАЗ-53" и проехав несколько метров вперед, затормозил у обочины. Немолодой шофер выглянул из кабины:

- Эй, служивый, тебе куда?

Саша снял фуражку, пригладил свои короткие волосы, снова надел:

- В Ленинское.

- Садись, подброшу.

Саша забрался в кабину, и дорога потекла мимо желтеющих полей, лесополос и редких телеграфных столбов. Водитель, пожилой усатый мужчина, был молчалив, и Саша, привалившись к дверце, смотрел на степь, которая не изменилась ни на метр, будто все это время стояла и ждала его возвращения. У дома он спрыгнул на землю, поблагодарил пожилого водителя, хлопнул дверцей и грузовик, чихнув выхлопом, помчался дальше. Дом встретил Сашу так, как встречал всегда. Из сарая доносилось довольное хрюканье поросят, по двору деловито расхаживали куры, а огород, гордость матери, как и раньше, стоял ровными, чистыми грядками. Саша усмехнулся про себя: мать так и не изменила свои привычки. Калитка оказалась запертой, но он без труда перемахнул через нее, как в юности, нашел под второй ступенькой крыльца потайное место, где Лена всегда прятала ключ, открыл дверь и вошел в дом. Тут же на него накатила

волна воспоминаний. Те же самотканые коврики на дощатом полу, та же печь, у которой Лена читала ему книжки, а он внимал ее голосу, прижимаясь спиной к теплому боку печки в холодные зимние вечера. Те же покрывала на койках, аккуратно заправленные заботливой рукой. Он поставил чемодан у порога, прошел на кухню, опустился на привычный табурет у стола и, облокотившись на столешницу, закрыл глаза. Вереницей ярких образов перед ним проплыло его детство и юность, проведенное в семье. Вот он помогает Лене кормить поросят, вот она ведет его за руку в первый класс, вот они сидят за столом и Лена помогает ему правильно писать буквы, вот они на речке, прижавшись друг к другу, вдвоем удят рыбу, вот она показывает брату, как варить картошку в чугушке. Он даже вспомнил вкус первой "толченки", которую он приготовил вместе с Леной, когда мать, как обычно, задержалась в конторе.

Его мысли оборвал отчаянный визг тормозов. Саша вздрогнул, выглянул в окно и увидел, как у самой калитки, окутанный облаком пыли, замер грузовик, а к дому бежит высокая фигура отца. Саша едва успел встать с табурета, как дверь распахнулась и в кухню влетел Виктор Генрихович. Он замер на пороге, тяжело дыша, и несколько секунд просто смотрел на сына, не веря собственным глазам. Потом шагнул вперед, и они крепко, по-мужски, сжали друг друга в объятиях. Через минуту отец отстранился, взял сына за плечи и долго вглядывался в его лицо. Он узнавал и не узнавал его.

Исчезли мальчишеская мягкость и округлость щек, плечи стали шире, в глазах появилось спокойствие и уверенность. Перед ним стоял уже не мальчик, а взрослый мужчина, его наследник, продолжатель его рода.

- Как ты узнал, что я приехал? - спросил Саша.

- Шофер, который тебя подвез, заехал к нам в гараж на заправку, - коротко ответил отец. Его голос чуть дрогнул. - Говорит: "Солдатика до села подбросил. Витя, это случайно не твой сын?". Ну я и бросил все...

Новость о приезде Саши мгновенно разлетелась по селу. Так всегда бывает там, где все друг друга знают. Эта новость скоро достигла конторы. Одна из соседок прибежала к Эмме Фридриховне и сообщила, что ее сын вернулся из армии. Та сидела не шелохнувшись, прикрыв рот рукой, словно не веря в только что услышанное. Лена, сидевшая рядом, тут же вскочила со стула:

- Мама, что ты сидишь?! Ведь наш Сашка вернулся!

Наскоро отпросились у председателя, сказав, что сын и брат вернулся из армии. Они вдвоем бежали к дому. Сердце матери колотилось как бешенное, дыхание было частым, лихорадочным, в голове пульсировала только одна мысль: "Приехал! Приехал!". Она первой подбежала к калитке. Увидела, как по крыльцу спускается Саша, ее сынок, в парадном кителе, поблескивая медалью и нагрудными значками. Ноги вдруг подкосились и она из последних сил ухватилась за калитку, по щекам струились слезы. Саша быстро подошел к

матери и крепко обнял. Она вцепилась в него обеими руками, прижала к груди, осыпая поцелуями щеки, лоб, стриженую макушку. Она плакала, не стесняясь своих слез. Следом подбежала Лена. Уткнулась лицом в плечо брата, и тихо заплакала. Саша стоял красный от смущения, обнимая обеих и бормоча:

- Мам... Ленусь.. Ну, не надо... Не плачьте... Я же вернулся... Мам... Ленусь...

Наконец, Эмма Фридриховна взяла себя в руки. Она смахнула слезу, ее лицо озарила счастливая улыбка. Она еще раз провела ладонью по щеке сына:

- Саша, сынок, я так тебя ждала... И дождалась... Ну, идем в дом, сейчас кушать будем. Ты же голодный, с дороги. Или может сначала баньку?

Сын с улыбкой кивнул. Банька была бы сейчас в самый раз. Чистый и распаренный, Саша сидел у стола, наблюдая как мать суетится, хлопочет у плиты, бросая на сына счастливые взгляды. Лена помогала матери накрывать на стол, доставая из шкафа тарелки, ложки, вилки. Иногда Саша пересекался взглядом с сестрой. Ее глаза светились нежностью и любовью к своему братишке. Виктор Генрихович предложил сыну выйти на крыльцо, "освежиться", чтобы не мешать женщинам. Они сели рядом на нагретые солнцем ступеньки. Саша достал из кармана пачку сигарет, привычным движением вытащил одну, размял пальцами, закурил. Да, к сожалению, курить он начал в армии. Сначала вроде как балов-

ство, чтобы скоротать время в наряде, потом втянулся. Курил он немного, но привычка уже укоренилась. Виктор Генрихович покосился на сына, помолчал, потом достал свою пачку папирос и тоже закурил. Выпустив струю дыма в сторону, он тих сказал:

- Сынок, ты перед матерью особо не афишируй.

Саша усмехнулся на замечание отца, но согласно кивнул. Они сидели, пуская дым в вечернее небо, и их разговор тек неспешно, по-мужски. Отец расспрашивал, как служилось, тяжело ли ему было, не обижал ли кто. Саша отвечал то подробно, то уклончиво, особенно когда речь заходила о первых месяцах: о таких вещах, считал он, лучше не рассказывать ни родителям, ни сестре. Зато охотно рассказывал другое. Как однажды утром они дозорной сменой нашли на контрольно-следовой полосе следы, каждый с блюдце, и старший смены, старшина, глядя на них с опаской, сказал, что в этих местах часто гуляет тигр. Рассказал, как спас зимой своего напарника в дозоре. Отец кивнул и усмехнулся:

- Да, мы тогда получили благодарственное письмо от твоих командиров. Мать не удержалась и потом все село знало, что ты получил награду и стал героем.

Саша рассказал, как вел по размытой весенней дороге грузовик с больным солдатом, утопая по колено в грязи и цепляясь лебедкой за стволы деревьев, как успел довести парня до больницы. Услышав про лебедку, отец одобрительно хмыкнул:

- Вот тут ты правильно сделал. Ты ж у меня водитель от Бога.

В его голосе слышалась гордость за сына, которую он не мог и не умел выразить словами. Скрипнула дверь, и на крыльцо вышла Эмма Фридриховна, вытирая полотенцем руки:

- Мужчины, идите ужинать. У нас все на столе.

За кухонным столом, накрытым чистой скатертью, Саша снова рассказывал о своей службе, теперь уже матери и сестре, во многом повторяя то, что говорил отцу, только смягчая или пропуская самые неудобные, тревожные места. Мать слушала, прижав ладонь к губам. Она то и дело кивала, будто подтверждая каждое слово, сказанное сыном. Лена сидела рядом, сжав его руку в своей и не сводя с него глаз. Наконец, когда все слова были сказаны и радость встречи постепенно улеглась, Лена тихо попросила:

- Саш, пойдем, прогуляемся по селу. Как раньше.

Они вышли за калитку, когда день уже догорел и над крышами домов разливался мягкий красно оранжевый закат. Они шли медленно по знакомой улице, взявшись за руки, как в детстве. На лавочках у заборов сидели соседки, обменивавшиеся последними сплетнями. Завидев Лену с Сашей, они прерывали разговоры, кивали, здоровались и долго смотрели им вслед:

- Гляди-ка, Сашка, Риммеров сын вернулся. Какой он стал красивый да статный!

Лена шла рядом, чуть улыбаясь, и не торопилась с вопросами. Потом спросила брата:

- Что дальше, Саша? Учиться будешь? Или в гараж к отцу?

- Знаешь, Лен, я уже после школы решил. Я хочу учиться в автодорожном институте, в Омске. Понимаешь, мне мало просто возиться с этими железками. Мне хочется понять, как все это устроено, и может когда-нибудь сделать что-то свое.

- С этим понятно. А как у тебя с личной жизнью? Нашел кого? - спросила Лена, и в ее голосе проскользнула лукавая нотка. Саша рассмеялся:

- Нет, Ленусь, я даже не задумывался об этом. Да и рано мне еще жениться, хочу погулять, пока молодой. А у тебя как с этим?

Лена задумалась на минуту, а потом негромко сказала:

- Не встретила пока такого, кому готова открыть свое сердце.

Село медленно погружалось в сумерки. Где-то в траве затянули свою песню сверчки, откуда-то донесся лай собаки, потянуло дымком из чьей-то печи. Брат и сестра повернули к дому, где в окнах уже горел свет.

Как и всегда в семье Риммеров, судьба Саши решалась на семейном совете. Собрались в субботу за кухонным столом, когда все дела были переделаны. Первой не выдержала мать:

- Сынок, ты ж только вернулся, а уже собираешься снова уезжать. Да хоть бы в соседний район или в тот же Целиноград. Так нет. В Омск тебя потянуло, за сотни верст от дома.

Я-то думала, что ты будешь с нами, рядом, на глазах. Нашли бы тебе невесту, женился бы, построили бы тебе дом, завел бы внуков нам с отцом на радость. По воскресеньям приходили бы к нам на штрудель или кребли.

- Мать права, - поддержал жену Виктор Генрихович. - Отучился бы в Целинограде три года в техникуме, поработал бы со мной в гараже лет пять. А потом я на пенсию, а ты на мое место. Все-таки должность хорошая, уважаемым человеком в районе стал бы. А Омск? Ну, что тебе там делать? А здесь и работа и семья. И потом, одним дипломом сыт не будешь.

Лена молчала, не принимая участие в семейной перепалке. С одной стороны, она хотела, чтобы брат остался рядом, на глазах. Но с другой стороны она слишком хорошо знала цену образованию, потому что сама выбилась в люди только благодаря ему. И потом высшее образование это фундамент семьи, оно особенно важно для мужчины, для будущего главы семьи, на плечах которого будет держаться дом. Наконец, после внутренней борьбы, Лена тихо сказала:

- Мама, папа, отпустите его. Пусть едет. Потом сам же нам спасибо скажет.

Спорили долго, до глубокой ночи. Были и уговоры, и упреки, и обиды, и недосказанные слова, от которых на кухне становилось тесно. В конце концов родители, скрепя сердце, согласились. Но окончательную точку в этом вопросе поставил не семейный совет, а председатель совхоза, к которому

Виктор Генрихович зашел поговорить на следующий день. Выслушав завгара, председатель покачал головой и сказал:

- Эх, Витя, да ты должен быть счастлив, что у твоего сына такое большое желание получить высшее образование. Инженеры-механики нашему совхозу знаешь как нужны? Как воздух! Это тебе не на коленке кардан варить, тут нужны глубокие знания. А Сашка твой отучится и все равно вернется в родной совхоз. Об этом не беспокойся. У него здесь дом, семья.

Виктор Генрихович вышел из конторы задумчивый. Он молча сел в кабину, долго смотрел перед собой, а потом тихо сказал сам себе: «Ну что ж. Значит, так тому и быть».

Полгода Саша работал с отцом в гараже. Он хотел, чтобы руки вспомнили то, чему его учили до армии. Так что время до поступления для Саши не прошло даром. Накануне отъезда Виктор Генрихович позвонил в Омск. К слову сказать, телефон в доме Риммеров, как и положено семье, входящей в руководство, был подключен к совхозной автоматической станции, и ему не пришлось, как большинству сельчан, идти в отделение связи и ждать, пока телефонистка за коммутатором соединит его с городом. Он присел на стул в зале, снял трубку, набрал "восьмерку", дождался длинного гудка и аккуратно, цифра за цифрой, набрал код города и номер. Трубку взял Николай, бывший односельчанин, много лет проработавший с ним бок о бок в гараже, а потом переехавший в российский областной центр. Они были не про-

сто коллегами, а старыми добрыми друзьями, с которыми не нужно долго подбирать слова. Виктор Генрихович коротко поздоровался, спросил о здоровье, о делах и только потом заговорил о главном:

- Слушай, Коля, Сашка едет поступать в автодорожный. Не хочу тебя напрягать, но если получится, присмотри за сыном, помоги с жильем.

Николай ответил без раздумий:

- Не беспокойся, Витя. Пусть приезжает, я присмотрю за ним.

Так обещают старому другу, коротко и без лишних слов. Ночью Саша не мог уснуть. Он долго ворочался на своей койке, вслушиваясь в тишину дома. Потом тихо оделся, вышел на крыльцо и сел на ступеньку, закурил, вглядываясь в ночное село. Над крышами висела огромная звездная россыпь, какой не бывает в городе, лаяла где-то вдалеке собака, пахло остывающей землей. Он почувствовал чье-то присутствие и обернулся. Рядом с ним на крыльцо присела Лена в ночной рубашке, накинув на плечи старую мамину шаль. Она тоже не спала. Долго смотрела на брата, будто хотела запомнить каждую его черточку, потом обняла его за плечи и прижалась щекой к его коротким волосам.

- Сашка, я буду очень скучать по тебе, - сказала она тихо. - Ты не забывай о нас, пиши. И на каникулы приезжай. Обещаешь?

Саша вздохнул и, чувствуя, как к горлу подступает комок,

ответил:

- Обещаю, Ленусь.

Они долго сидели молча, прижавшись друг к другу, как в детстве, когда она читала ему перед сном. Они оба понимали, что с этой ночи что-то меняется навсегда. Утром он уехал. Так началась взрослая, самостоятельная жизнь Александра Риммера.

Старый друг отца, как и обещал, встретил Сашу на вокзале в Омске, на несколько дней оставил у себя, пока решался вопрос с общежитием, коротко, по-свойски объяснял, где и что находится в городе и каким транспортом туда доехать. Сдав документы, в том числе и направление из штаба погранотряда, Саша поступил на подготовительное отделение автодорожного института. Для него наступило самое тяжелое время. Он должен был вспомнить все, чему его учили в школе и что он за последние два с половиной года успел основательно подзабыть. Геометрия, тригонометрия, алгебра, физика... Все эти предметы школьной программы снова подлежали осмыслению. Саша не стал впадать в уныние и, как говорится, включил "сержантский режим". Он буквально заставлял себя заниматься через "не могу". На границе за два года он привык к ночным дозорам, поэтому ночные бдения над учебниками в комнате общежития при свете настольной лампы стали для него еще одной "границей", которую он не имеет права сдать или отступить. Так проучившись весь год, он успешно сдал вступительные экзамены и стал студентом

первокурсником.

На летние каникулы Саша приехал к родителям. На этот раз, к крайнему изумлению, на автостанции его встречала Лена, приехав на отцовском мотоцикле. Как выяснилось из разговора, она тоже отучилась на вождение, получив категорию "В". И первое, что она освоила - езду на отцовском "Урале". На втором курсе, в разгар зимних каникул, к нему в Омск нагрянули мать с сестрой. По объяснениям Лены, вся поездка от дома до Омска, включая железную дорогу от Целинограда, заняла меньше суток. Саша быстро договорился со строгой вахтершей, что мама с Леной дня три-четыре поживут у него в комнате, а он перекантуется у приятелей - однокурсников. В качестве "благодарности" он преподнес вахтерше палку домашней колбасы и небольшую баночку меда.

Прошло еще два года, наступил тысяча девятьсот девяносто первый год. Это лето перед пятым курсом Саша, как и обещал, снова провел дома. Огромная страна, которую он знал с детства, стала на глазах разваливаться на куски. В магазинах быстро пустели полки, по телевизору сменялись лица и лозунги, республики одна за другой начинали говорить о своей независимости. От прежней жестокой цензуры уже не осталось и следа. Рухнули запреты на поездки за границу, и люди, еще недавно боявшиеся произнести слово "Германия" или "Израиль", теперь открыто обсуждали, кто куда уже уехал, кому прислали вызов, кто продает дом. В один из вечеров Эмма Фридриховна получила в конторе новое письмо

от той самой Анны. Оно было куда подробнее прежнего. Анна уже не осторожничала, не прятала слов за вежливыми расспросами о здоровье. Она открыто писала, что очень хотела бы увидеть свою сестру и ее близких в Германии и готова помочь с переездом: с оформлением бумаг, с жильем на первое время, с деньгами. В конце стояла приписка о том, что Анна дала клятву своей матери перед ее смертью, что разыщет и поможет семье восстановиться. Эмма Фридриховна читала письмо вслух, медленно, водя пальцем по строчкам и переводя на ходу, с трудом подбирая русские слова.

В этом и заключалась трагедия семьи Риммеров, о которой в доме не говорили вслух. Саша и Лена совершенно не знали немецкого и не могли его знать. С детства они слышали дома только русскую речь, говорили и думали только на русском языке, а о том, что они немцы, напоминали лишь фамилия да запись в паспорте. Виктор Генрихович и Эмма Фридриховна говорили между собой по-немецки очень редко и только тогда, когда их никто не слышал, вполголоса, на старом швабском диалекте со смесью южнонемецкого говора. На этом языке еще в семнадцатом столетии говорили в Королевстве Вюртемберг и в северной части Баварии, откуда в незапамятные времена вышли их предки, и передавали его из поколения в поколение, от матери к дочери, от отца к сыну. Так продолжалось до самой войны. Потом пришли репрессии, лагеря, депортация, комендатура, трудармия. И страх, всеобъемлющий, почти животный страх за своих де-

тей. Немецкий язык все реже и реже слышался в семьях переселенцев. Вместе с ним постепенно исчезали традиции и обычаи, тот особый, культурный уклад повседневной жизни, который сохранялся их предками на протяжении сотен лет. Это было понятно - слишком высокую цену заплатили русские немцы за сохранение своей идентичности. Старшее и среднее поколение в тайне сохранили свой родной язык, культуру своих предков, как хранят очень дорогую, но запретную реликвию. А вот молодое поколение воспитывалось в другом ключе. Большинство не знало своих корней, своего языка и не считали это зазорным. Они родились и выросли в послевоенное, мирное время, в стране, которую приняли своей единственной родиной и, по большому счету, не хотели знать, чего их лишила Советская власть.

Тем вечером, когда письмо было дочитано и сложено, Эмма Фридриховна долго молчала, потом осторожно, словно боялась обжечься, заговорила о возможном переезде на свою историческую родину. Саша не дал ей договорить. Он отодвинул стул, встал и категорически заявил, что никуда уезжать не хочет. Здесь он родился, здесь его страна, его земля, его дом. Здесь ему все понятно, а ехать неизвестно куда и зачем он не собирается.

- Мама, я не знаю страны, людей, их традиции, обычаи... Да что там обычаи, мама! Я даже языка не знаю! - говорил он. - Что мне делать в этой вашей Германии?

Мать опустила глаза и больше ничего не добавила. Лена,

сидевшая у окна, молчала, но по ее лицу было видно, что глубоко в душе она согласна с братом.

Время шло. Саша заканчивал пятый курс, писал диплом. В июне девяносто второго он успешно защитился, и ему сразу же предложили вакантное место как начинающему специалисту в одном из государственных предприятий Омска. Однако Саша твердо решил вернуться в свой родной совхоз. За две недели до его отъезда домой пришло письмо от родителей. Мать с отцом сообщали, что решили покинуть совхоз и переселиться в Германию, на землю предков. Мама слезно просила его уехать вместе с ними. Она писала, что в Германии с его способностями он сможет получить достойное европейское образование, найти себя и так далее, и тому подобное. На обороте письма рукой Лены была сделана приписка: "Саша, я поеду с родителями. Пожалуйста, не оставляй нас!". Он перечитывал эту строчку весь вечер. Ночью сидел на подоконнике своей комнаты в общежитии, курил в приоткрытую форточку и смотрел на редкие огни за окном, как когда-то смотрел на звезды над крыльцом отчего дома. Он видел, как вокруг все рушится. Все, к чему он привык: производство и сельское хозяйство приходило в упадок, людям стали подолгу задерживать зарплату, росли цены, а с ними и инфляция, обесценивая заработанные людьми деньги. Привычная жизнь, в которой все было размерено и понятно, ушла навсегда и уже никогда не вернется. Но дело было даже не в этом. Саша вдруг ясно представил свой родной дом

с запертой калиткой и ключом под второй ступенькой, в котором больше никто не живет. По спине пробежал холодок. Нет, он не сможет жить без своей семьи, без отца, матери, без любимой им сестры Лены, он просто не выдержит одиночества. Пока они все вместе, у них есть шанс начать все заново на чужой для них земле. Ответ пришел сразу и Саша уже не секунды не колебался. Утром он поехал на междугороднюю станцию, заказал переговоры с родителями. Разговор был недолгим. Саша сказал, что выезжает домой и дает согласие на переезд в Германию. Это уже было его собственное решение, окончательное. Если бы он знал тогда, что его ожидает в Фатерланде, возможно, он никогда бы и не уехал.

В начале июля Саша вернулся в родное село. Его сразу же назначили на должность заведующего ремонтными мастерскими. В условиях независимости Казахстана родной совхоз еще держался, но начинал трещать по швам от надвигающегося экономического кризиса. Ему все чаще и чаще приходилось самому лазить под капотом старых, допотопных ГАЗ-51 или КАМАЗов, так как механики старались основную часть времени заработать где-нибудь "налево". Совхоз сотрясали нехватка топлива, запчастей, а главное - рабочих рук. Наступала страда. Отец и сын с нарастающей тревогой ждали это время. Лена, точнее уже Елена Викторовна по-прежнему работала бухгалтером рядом с матерью в совхозной конторе. Но все понимали, сытые, доперестроечные времена закончились и ушли в небытие.

Сбор документов для переселения сопровождался немалыми трудностями. Саше не раз пришлось ездить и в Целиноград и в Алма-Ату, чтобы получить какую-либо справку или подтвердить той или иной документ. В конце концов в течение четырех месяцев все нужные бумаги были собраны и отправлены в Германию для принятия решения. Наступил год ожидания. Однажды, зимой девяносто третьего года в их калитку постучали. Это была почтальонша, казашка Айгуль. Саша как раз заехал домой пообедать, что было в последнее время редчайшим случаем. Айгуль вручила ему под роспись большой коричневый пакет с непонятным обратным адресом. Саша догадался, что адрес написан на немецком языке. Оставив нераспечатанный конверт в кухне на столе, он быстро перекусил и снова вернулся на работу. Вечером, как всегда, вся семья собралась за столом, и на самой его середине лежал тот самый пакет. Виктор Генрихович надорвал клапан, вынул документы и, нацепив очки на нос, стал разбирать присланные бумаги, бормоча что-то себе под нос. Это бормотание было на чужом немецком, совсем не похожем на тот, что он хранил в своем сердце и памяти. Все нетерпеливо смотрели на Виктора Генриховича. Из всего его бормотания Саша разобрал единственное незнакомое ему слово - «Ауф-намебешайд». Дочитав до конца, отец оглядел всех поверх очков и сказал:

- Нам разрешено переехать на постоянное место жительства в Германию в качестве поздних переселенцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.